

В. Л. Шибанов

ОСОБЕННОСТИ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ИРОНИИ В РОМАНАХ СЕРГЕЯ МАТВЕЕВА*

Удмуртский писатель Сергей Матвеев (род. 1964), автор шести поэтических сборников и двух романов, – самый яркий представитель постмодернизма в удмуртской литературе. В его комизме юмор и сатира почти отсутствуют, на первый план выходят ирония и самоирония. Жанр романа «Шузи» («Дурачок», 1995) определен автором как «роман-болтовня», а роман «Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс» («От имени рыбы», 2006) – как «роман-бред». В первом – герой-шизод встречается с разными представителями удмуртской интеллигенции и иронически разоблачает их высокие жизненные принципы. В формальном же плане повествования герой будто бы рассказывает о своих любовных похождениях и его интересуют только семь женщин, каждой из которых посвящена отдельная глава. Роман «От имени Рыбы» – как цепь странных и эротических сновидений. Сюжет построен по принципу ризомы, герой блуждает по лабиринту своих сновидений в поисках любимой женщины (ТЫ). Кто она, из текста не ясно, поскольку в каждом сне она превращается в разные существа (в неандерталку, в рыбу, в школьницу, жидкость в стеклянной бутылке и др.). Главный герой – утонченный интеллектуал, сквозь скрытую насмешку он изображает реальность удмуртского мира.

Ключевые слова: удмуртская литература, Сергей Матвеев, смеховая культура, постмодернизм, ирония, постмодернистская ирония.

В современной удмуртской литературе Сергей Матвеев – один из самых ярких экспериментаторов. О его книгах (по сравнению с другими) в республике пишется довольно много: отмечают широкий литературный контекст, связь с традицией и одновременно непривычный образ авторского «Я», имя писателя упоминается в контексте литературного этнофутуризма и др. В анализе его романов «Шузи» («Дурачок», 1995) и «Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс» («От имени рыбы», 2005) основное внимание мы уделим специфике иронии в этих произведениях, определенных автором как «роман-болтовня» и «роман-бред»,

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-14-18008.

явно нацеленных на снятие «серьезности» с термина «роман», устоявшегося в удмуртской литературе.

Главный герой романа «Шузи», прикидывающийся дурачком, по ходу повествования встречается с разными представителями удмуртской интеллигенции, иронически разоблачая их «высокие» жизненные принципы. Один из первых критиков романа А. Лаптев выделил следующие определяющие его черты: неприятие жанровых канонов, игра в интеллектуализм, чрезмерный литературный контекст, интерес к теме секса, злая критика церковных интерпретаций Священного Писания. Но особое внимание он обратил на странный тип героя-рассказчика, которым движет «огпалмыса уйбыртон» – «неудержимый бред» [см.: 5. С. 43–48]. Т. И. Зайцева главную специфику романа определила так: «Странный герой, не приемлющий избитых правил и истасканных представлений, ломающий официальные понятия о норме и истине, явился своеобразной формой постижения литературой более глубоких и долговечных социально-нравственных закономерностей» [3. С. 7].

В первой и третьей главах романа-болтовни «Шузи» действие происходит в городе, в кругу национальной интеллигенции. Здесь преобладает дух постмодернистской эстетики и этики. Затем автор переносит читателя в родную деревню героя. Повествование, в котором сильны традиции реализма, осложнено, однако, едкой самоиронией.

В формальном плане роман начинается так, будто герой хочет рассказать о своих любовных похождениях и его интересуют прежде всего семь женщин, именами которых обозначены подглавы – «Валентина», «Галина», «Вера», «Татьяна», «Оксана», «Наталья» и «Анна». Тем не менее в центре внимания оказываются не они, а удмуртские писатели, ученые, преподаватели вуза и др., осмеянием которых занят главный герой.

Ирония придает повествованию С. Матвеева множество разнообразных оттенков: сомнение в устоявшихся стереотипах, утонченный или грубый интеллектуализм, стремление к разнообразной игре – языковой, поведенческой, коммуникативной и др. Стилистически «высокие» слова противопоставлены бытию дикой природы, при этом неизбежно возникает конфликт между традиционными понятиями *верха* и *низа*. Так, в одном из фрагментов герой сознательно «забывает», о чем хотел рассказать, и переходит к размышлениям о непорочном зачатии Марии, обширно цитируя на удмуртском языке родословную Христа, чтобы в нужный момент (специально даются маркеры «кылзйське ай!» (послушайте же!) и «ха-ха!» [7. С. 73]) перейти к передергиванию церковных интерпретаций Библии.

Подробнее остановимся на характере матвеевской иронии в изображении Потапа Сакырова. По сюжету романа главному герою посчастливилось поработать в редакции молодежного журнала рядом с этим мыслителем, даже, по словам рассказчика, гением, осознавшим дух и глубину «Риг-Веды». Уже фамилия его Сакыров (удмуртское *сакыр* – сахар) наполнена иронией: слащавые и «сладкие» философствования его постоянно вызывают улыбку, и неприятие одновременно. Наш главный герой «шузи» будто бы искренне впитывает в себя восточные постулаты из уст Сакырова, но вкрапления наподобие: «если не учитывать здорового

пессимизма Шопенгауэра» или поправки на Цицерона [7. С. 228, 230] – говорят о том, что он с трудом соглашается со своим собеседником и мнимо приемлет чужой пафос. Другая форма иронии – соседство высокого философского стиля Сакирова и «приземленности» его существования; не случайна оговорка рассказчика: «Если только вдруг Потап Сакиров не уедет в Тибет, не заблудится там и не исчезнет» [7. С. 228]. Так как Сакиров – еще и поэт, на страницах романа появляется множество поэтических переводов из «Риг-Веды», причем рассказчик удивлен, почему в своих стихах гений-поэт удивительно далек от восточной философии: «Йырыным шонасько но валаны уг быгатйськы, малы “öвöl поэт, Шекспир сян”» («Качаю головой и не могу понять, почему же “в мире нет поэта, кроме Шекспира”») [7. С. 228]. Отметим важный момент: в анализируемом фрагменте много диалогов, в которых Потап Сакиров поучает своего ученика, однако их роли неожиданно могут меняться, «путаться»: уже ученик философствует высоким языком восточной мудрости, а его учитель из диалога куда-то исчезает. Формально этот прием (в самом конце фрагмента) объясняется тем, что это наш герой «шузи» стоит перед зеркалом, а Потап Сакиров – всего лишь его воображаемый двойник.

Как видим, С. Матвеев использует в своем романе самые разные формы иронии, от традиционной до постмодернистской; мнимое приятие чужого пафоса нацелено на представителей интеллигенции, а разнообразная игра культурными кодами – на образ самого рассказчика «я». В тексте романа «Шузи» одни имена отсылают к другим и к чужим произведениям – и так до бесконечности, так что автор, главный герой и читатели точно блуждают по лабиринту, из которого нет выхода.

Гибридность, окрашенная специфической иронией, пронизывает и роман-бред «Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс» («От имени рыбы»), в котором В. Ванюшев в качестве главенствующей черты выделяет «культивирование идеи эгоистического самосознания некоего отторгнутого обществом субъекта, не признающего ни морали, ни юридических законов» [2. С. 356], и оценивает его как неудачное подражание антироманам французской писательницы Натали Саррот. По его словам, если и возможно влияние постмодернизма, то только постмодернизма агрессивного [2. С. 359].

Роман-бред состоит из авторского предисловия и 129 частей. Главный герой «мон» («я») рассказывает о сновидениях, в которых он ищет образ своей любимой женщины, постоянно ускользающей от его взора. Как отмечает Алексей Арзами, «...культура письма и культура графического оформления sub specie “закомплексованного” читателя являются безобразием. Матвеев свои прозаические тексты всегда старался выстраивать по законам неоднозначной литературной моды, разбивая обычно целостный жанр романа на микроскопические фрагменты и лишая их единого сюжетного стержня...» [1. С. 12]. Сергей Матвеев использует чередование сна и яви, предоставляя читателю право самому определить их границы. Иногда внутри одного сна герой видит другой, и пробуждение оказывается на самом деле возвратом в первоначальное сновидение. Сюжет *романа-брёда* строится по принципу ризомы, и невозможно предсказать, какой поворот ожидает читателя в лабиринте видений и событий. В начале глав постоянны обращения

к читателю пропустить данную часть, если он имеет что-то против тех вещей, о которых пойдет повествование, поскольку автор якобы всегда уважает выбор читателя. Основной материал текста – размышления главного героя на самые различные темы: от идеи сверхчеловека Ницше, которого автор называет Тёды Албасты (Белый Дух), до всевозможных рефлексий, в которые причудливо вплетены цитаты из книг, словарные статьи, рисунки, схемы и т. п.

Образ возлюбленной, которую ищет герой романа, это – в одноименных главах – и *неандерталка*, и *рыба*, и жидкость в стеклянной бутылке («Просьба продать тело»), и просто символическое воплощение ее идеала, чей облик меняется на протяжении всей книги; герой вроде бы находит ее, но снова теряет. Трепетность по отношению к ней сочетается с самыми «приземленными» чувствами: жадой обладания телом и невыполнимым желанием слиться, стать одним телом, якобы бывшим когда-то единым.

Главный герой – эгоцентричный интеллеktуал, противоречащий сам себе. Он с легкостью уравнивает древнейшее китайское учение о Дао с рассказом о борьбе с герпесом на губе (глава «Поиск рифмы для “Дао”»). Он откровенно признается в том, что как эгоист с удовольствием бы растерзал весь мир. Тем не менее он испытывает самые нежные чувства, граничащие с обожествлением возлюбленной и благоговением перед ней, а себя сравнивает со сморщенной червивой половинкой яблока (глава «Пьяная голова и трезвый сон»): «...Тон – Кылдысин, тон – Кылчин, тон мукет дуннеысь лулос. Мон адыми; адыми – кырсь, адыми – урод...» («...Ты – Кылдысин (удмуртское верховное божество), ты – ангел, ты создание из другого мира. Я – человек; человек грязный и плохой...») [6. С. 98].

Помимо ключевых образов, в романе фигурирует целая галерея второстепенных, не менее абсурдных, чем главные герои, странных в своих поступках. Само наличие их вызывает недоумение: это и летающий штепсель из главы «Кafka и Дали», пытающийся лишить главного героя его «мужского достоинства»; и совокупляющиеся куриные тушки без крыльев и голов в главе «Бескрылые и безголовые курицы» и др. Появляются такие личности, чье присутствие вызывает удивление, пока читатель не вспоминает о постмодернистской иронии и абсурдности сновидений. В главе «Эмоция под названием Я» это Иисус Христос, лежащий под плащаницей и поворачивающий голову по направлению руки главного героя; или образ ребенка из главы «Прогулки с ребенком, который еще не родился» и др. Автор играет с читателем, персонажи абсурдны в своем существовании и в своих поступках. Вспоминаются слова В. Курицына: «...не текст существует по законам мира, а мир по законам текста» [4. С. 227].

«Чорыглэсь лушкам кылбураньёс» – переводится буквально как «причитания, украденные у рыбы». Почему у *рыбы*? Она же не может *причитать*. Или: С. Матвеев отвечает, расчленив слово *Кылдысин* на три составляющие части: *Кыл* + *ды* + *син*. *Кыл* – слово «в начале было Слово», *ды* – ускорение, *син* – глаз, исток. В единстве все это ассоциируется с образом возлюбленной: «*Кылдысинэ тон мынам*» («Ты мое божество Кылдысин») [6. С. 97].

Текст романа соединяет в себе самые различные формы повествования. Такой прием гибридности характерен для постструктурализма как тенденция

к размыванию границ между разными областями человеческого знания – искусством, философией, наукой.

Автор использует прием дадаистов в главе «“Дао”-лы рифма утчан» («Поиск рифмы для “Дао”»), текст представляет собой набор бессмысленных слов, просто игру звуками: «Саплес, наплес, дыльк. Дык. Жык. Шык. Пык... Та-ра-ри-рум – па-ра-бим-бум!...» [6. С. 99] или: «Урод – умой, умой – урод, урод – умой, умо – уро, уро – умо, умо – уро, ур – ум, ум – ур, ур – ум, у – у, у, у...» [6. С. 196]. Критик А. Шкляев поясняет: если слово повторить много раз (пробуя его на вкус), то его значение пропадает, а когда задумываешься об «оболочке» (то есть буквенном выражении), то и она исчезает. Будто «по ту сторону сознания» проходишь [8. С. 103].

Образ героя в постмодернизме создается по логике конструирования образа автора-творца. Или наоборот: образ автора в тексте умышленно уравнивается в правах с персонажем. Приемов множество: от совпадения имени героя с именем биографического автора до расщепления авторского сознания на «подголоски», принадлежащие как повествователю, так и персонажам. В романе Матвеева мы сталкиваемся с этим приемом. Так, например, в главе «Ницше и сырые жерди» герой романа якобы встречается с великим философом Фридрихом Ницше. Кумир, которого герой видит во сне, является порождением его подсознания. Таким способом авторское сознание расщепляется на множество других «я» с иронико-фантастическим содержанием.

Композиция романа «Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс» – это движение параллельных миров, прекрасно уживающихся в рамках одного повествования. Алексей Арзами пишет по этому поводу: «Очень удобно для писателя: берешь ручку и записываешь сны, события реальной жизни. Априори не надо соединять, “сводить” истории, линии судеб. “Я” множится и разрывается, лики “другого” редко становятся лицами и еще реже – людьми» [1. С. 12]. Помимо этого, во сне человек мгновенно переносится на какие угодно расстояния и может оказаться в местах, где никогда не бывал. Примечательно, что эти незнакомые места зачастую восполняются подсознательно осмысливаемыми локусами.

Постмодернизм как мировосприятие в романах Сергея Матвеева имеет ряд характерных признаков. Но все они – и гибридность как форма интертекстуальности, и игра всевозможными культурными кодами, и осколочное мышление автора в мире хаоса – все окрашены постмодернистской иронией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Арзами А. Почему эстонскую литературную премию дали Матвееву?... // Удмуртская правда. 2008. № 10. 27 янв.
2. Ванюшев В. М. Вторсырье с Запада как «абсолютно новое» для Удмуртии // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 4: Локальные тексты и типы региональных нарративов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. С. 355–359.
3. Зайцева Т. И. Современная удмуртская проза (1980–2000-е гг.). Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. 174 с.
4. Курицын В. Постмодернизм: новая первобытная культура // Новый мир. 1992. № 2. С. 225–232.

5. *Лантев А. М.* «Тй учке ёмгес ёукпала...» («Вы чаще смотрите на восток...»). Ижевск: Инвожо, 2008. С. 43–48.
6. *Матвеев С.* Чорыглэсь лушкам кылбуранъёс (От имени рыбы). Ижевск: Удмуртия, 2006. 222 с.
7. *Матвеев С.* Шузи (Дурачок). Ижевск: Удмуртия, 1995. 286 с.
8. *Шкляев А.* Кин со сыёе – адыми шуон (Кто он такой – человек) // Кенеш. 2008. № 3. С. 102–104.

Поступила в редакцию 28.05.2014

V. L. Shibanov

The Specificity of Post-modern Irony in Sergey Matveyev's Novels

The Udmurt writer Sergey Matveyev (b. 1964), the author of six collections of verse and two novels - is the most prominent representative of postmodernism in the Udmurt literature. Humor and satire are almost absent in his comicality, irony and self-irony go to the fore. The genre of novel “Shuzi” (“Half-wit”, 1995) is determined by the author as “novel-chatter” and the novel “Tchorygles lushkam kylburanyos” (“On behalf of fish”, 2006) as “novel-nonsense”. In the first novel the hero-schizoid meets different representatives of the Udmurt intelligence and ironically unmasks their high life principles. But formally the hero tells a story about his love affairs and is interested in seven women, each of which a separate chapter is devoted. The novel “On behalf of fish” is a chain of strange and erotic dreams. The plot is based on the principle of the rhizome; the hero wanders through the maze of his dreams in search of the beloved woman (YOU). Who is she, from the text is not clear, because in each dream she turns into a different creatures (Neanderthals, fish, schoolgirl, liquid in glass bottle and other). The main character is a sophisticated intellectual; through the hidden taunt he depicts the reality of the Udmurt world.

Keywords: the Udmurt literature, Sergey Matveyev, humorous culture, postmodernism, irony, post-modern irony.

Шибанов Виктор Леонидович,

кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртский государственный университет
420034, Россия, г. Ижевск, ул. Университатская, 1
E-mail: shibvik@rambler.ru

Shibanov Viktor Leonidovich,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
The Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St., 1
E-mail: shibvik@rambler.ru